

Валентин Пикуль

Солдат Василий Михайлов

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Солдат Василий Михайлов

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Солдат Василий Михайлов / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Кровь, слезы и лавры)

«В нашей истории бурный и красочный XVIII век, век рыцарства и злодейства, век гордецов и подлецов, как бы окантован двумя мучительными процессами. В начале столетия Россия вышла на побережье Балтики, а весь конец века народ укреплял рубежи государства на берегах Черноморья. Дорога в Бахчисарай далась ценою большой крови, отняв у россиян жизнь нескольких поколений...»

Валентин Пикуль

Солдат Василий Михайлов

В нашей истории бурный и красочный XVIII век, век рыцарства и злодейства, век гордцов и подлецов, как бы окантован двумя мучительными процессами. В начале столетия Россия вышла на побережье Балтики, а весь конец века народ укреплял рубежи государства на берегах Черноморья. Дорога в Бахчисарай далась ценою большой крови, отняв у россиян жизнь нескольких поколений.

Дело это было великое, дело нужное – дело героев, давно позабытых. Сейчас бывшая Таврида стала всесоюзной здравницей, и загорающие в шезлонгах на верандах курортов меньше всего думают о своих пращурах, которые пешком ходили на Крым не ради обретения загара, а едино ради отмщения татарам за беды и насилия.

Иногда очень полезно вспомнить слова Пушкина:

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие!»

Итак, мы во времени Анны Иоанновны...

Весною 1736 года русские легионы под жезлом фельдмаршала Миниха выступили в поход на Крымское ханство.

Солдат воодушевлял бой барабанный, флейты пели им о славе предбудущей:

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.

А за солдатами шагали люди служивые – лекаря с аптеками, профосы с кнутами, трубачи с гобоями, попы с кадилами, аудиторы с законами, писаря с чернильницами, кузнецы с молотами, цирюльники с ножницами, седельники с шилами, коновалы с резаками, плотники с топорами, извозчики с вожжами, землекопы с лопатами, каптенармусы с аттестатами...

Сверху обжигало людей нещадное степное солнце.

Боевые литавры гремели не умолкая...

В громадной карете – шлафвагене – ехал сам Миних; на походной жаровне пеклась для него яичница; фельдмаршал в одном исподнем белье сидел на бочке с золотыми червонцами, лениво понтируя со своим приятелем, пастором Мартенсом, и хвастал:

– Через четыре года, дружище, мои славные штандарты будут водружены над сералем султана турецкого... Я сдаю. Квинтич. Пики!

– В банке триста, – отвечал пастор. – Сначала, приятель, не сломай себе шею на взятии Перекопа, побывай в Бахчисарае крымского хана, а потом уж мечтай о Константинополе...

– Basta! – прищлепнул туза Миних. – Твоя карта бита... Не забывай, что мы с тобой не в Европе, а в России... Людские запасы этой страны столь велики, что кровь солдата на Руси дешевле чарки вина. Счастье, что я служу в русской армии, где можно свободно угробить миллион душ, но зато всегда добьешься успеха... Пики!

Дымчатые волю катили по травам 119 пушек, величавые верблюды тащили арбы с ядрами.

На телегах везли рогатины – столь великие, что одну из них с натугою шестеро солдат поднимали (этими рогатинами окружали по ночам бивуаки, дабы не наскочила татарская конница).

Казалось, не будет конца пути, никогда не кончатся эти солончаки и сожженные солнцем ковыли.

Палимы звенящим зноем, шли солдаты великой армии.

Голая степь и безводье царили на крымских подступах.

Покрыты тенью бунчуков/
И доли и холмы сии!

– Кошку высечь и то прутика не сыщешь, – говорили люди.

Чуткий сон армии стерегли по ночам скифские курганы...

Днем через каре армии прокатывали шлафваген Миниха.

– Вперед! – рычал на солдат фельдмаршал. – Кто остановился, тому смерть. А свободных телег для больных в обозе нету...

Жутко ревел на привалах скот, не поенный уже с неделю.

Выстелив по земле тонкие шеи, умирали плачущие от усталости кони.

Мертвых бросали в степи – на поживу ястребам и воронью...

17 мая 1736 года русское каре с ходу уперлось в Перекоп.

Походный толмач Максим Бобриков всмотрелся в пылищу.

– Перед нами ворота Ор-Капу, – доложил он Миниху.

– Ор-Капу? А что это значит?

– «Капу» – дверь, «Ор» – орда, вот и получается, что сия татарская перекопь есть «дверь в Орду» ханскую...

– Передайте войскам, – наказал Миних, – что за Перекопью их ждет вино и райские кущи. Ад – только здесь! А за этим валом «дверей в Орду» – отдых и прохлада садов ханских, где произрастает фруктаж редкостный, какого в дому у себя никто не пробовал!

Но 185 турецких пушек (против 119 русских) зорко стерегли вход в Крымское ханство; над фасадами крепости реяли на бунчуках янычарских хвосты черных боевых кобыл, и старая мудрая сова, вырубленная из камня, сидела над воротами Ор-Капу, сурово взирая с высоты на пришельцев из далекой прохладной страны...

– Назавтра быть штурме немалой, – говорили ветераны, – а нонеча поспать надо, дабы отдохнули бранные мышцы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.